ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО.

Л. Н. Толстой.

I.

Николай Палкинъ.

II.

Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину.

Изданіе „ЕДИНЕНІЯ“
подъ редакціей В. Г. Черткова.

№ 15.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Цѣна 20 коп.

Издательство: „СОЛДАТЪ-ГРАЖДАНИНЪ“.
1917.

891.73
Т.58
Оп.с
22/№22

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Статья „Николай Палкинъ“ была написана Л. Н. Толстымъ въ апрѣлѣ 1886 г. подъ впечатлѣніемъ разговора его со старымъ солдатомъ Николаевскихъ временъ, у котораго онъ ночевалъ во время одного изъ своихъ путешествій пѣшкомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну.

Статья эта была списана однимъ изъ его бывшихъ единомышленниковъ, Н-вымъ, и въ литографированномъ видѣ распространялась въ Россіи, послѣдствіемъ чего былъ обыскъ и арестъ Н-ва и заключеніе его въ тюрьму. Разумѣется, Л. Н., какъ всегда въ такихъ случаяхъ, сталъ горячо хлопотать о подвергшемся преслѣдованію за распространеніе его статьи единомышленникѣ, считая себя виновникомъ его ареста. Когда Л. Н., въ разговорѣ съ однимъ административнымъ лицомъ, просилъ объ освобожденіи заключеннаго и о своемъ желаніи самому, какъ автору, нести послѣдствіе за свою статью,—то получилъ на это отвѣтъ, что: нѣтъ еще

достаточно широкихъ воротъ тюрьмы, чтобы принять его.—Тѣмъ не менѣе, хлопоты Л. Н-ча увѣнчались успѣхомъ, и потерпѣвшій Н-овъ былъ выпущенъ изъ заключенія.

Обѣ статьи: 1) „*Николай Палкинъ*“ и 2) „*Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину*“ (составляющая какъ бы послѣсловіе къ первой)—были впервые напечатаны въ нашемъ заграничномъ изданіи „Свободнаго Слова“ въ 1904 году *). Позднѣе, послѣ 1905 г, Л. Н. доставилъ мнѣ черновыя рукописи этихъ статей, причемъ въ статью: „Николай Палкинъ“ вошли нѣкоторыя новыя поправки автора, долженствовавшія быть внесенными во второе изданіе брошюры, которое намъ уже не пришлось осуществить, вслѣдствіе моего возвращенія въ Россію и прекращенія нашего заграничнаго издательства.

Рукописи эти сохранялись въ моемъ несгораемомъ архивѣ въ Англіи. Послѣ смерти Л. Н-ча онѣ были переданы мною въ Академію Наукъ для храненія и использованія при академическомъ изданіи писаній Толстого. На дняхъ статьи эти вышли

---

*) См. томъ X Полн. Собран. Сочиненій, запрещенныхъ въ Россіи, Л. Н. Толстого: „Статьи 1882—1889 г.г. Изданіе „Свободнаго Слова“, подъ редакціей В. Черткова.

въ серіи „Творенія Толстого“, подъ редакціей В. И. Срезневскаго (изданіе Толстовскаго Музея въ Петроградѣ, ц. 50 коп.).

Съ глубокой признательностью къ безупречной редакціонной работѣ В. И. Срезневскаго и его сотрудниковъ мы въ точности пользуемся текстомъ этихъ статей въ редакціи В. И. Срезневскаго,— хотя и вынуждены ради удешевленнаго, всенароднаго изданія пожертвовать изящною внѣшностью, которою отличается Петроградское изданіе.

В. Ч.

20 августа 1917 г.
Москва.

НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.

Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что, умереть хочешь?

— Умереть?—Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ; тогда развѣ такая, какъ нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасть беретъ. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили—милостивъ былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100—20 человѣкъ, забивали на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ назывался милостивымъ.

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить, сказалъ старикъ. И тотчасъ же оживился и сталъ разсказывать.

— Тогда что было, заговорилъ онъ. Тогда на 50 палокъ и портокъ не снимали; а 150, 200, 300.., на смерть запарывали.

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ, и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужъ палками—недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче ужъ и не знаютъ, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!. У насъ и солдаты Николая „Палкинымъ" прозвали. Николай Павловичъ, а они говорятъ Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище.

— Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, продолжалъ старикъ, да вѣкъ-то отжилъ—помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ. Много грѣха на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпятъ 150 палокъ за солдата (отставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и фельдфебель, теперь кандидатъ), а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь—вотъ и грѣхъ.

— Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное: въ грудь, или въ голову,—онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: „властію Божіею помре".—И крышка. А тогда развѣ понималъ это? Только объ себѣ думаешь. А теперь вотъ ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все думается, все представляется. Хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасть беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо, хуже аду всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку и мнѣ вчужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливанье, про убійства и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ разспрашивать его про это. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разсказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами съ шпицрутенами палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: „бей больнѣй!“

— „Бей больнѣй!“ прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески-начальническій тонъ.

Онъ разсказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разсказалъ о томъ, какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаетъ и брызжетъ кровь, какъ клочьями летитъ окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный и какъ потомъ только

охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ, ощупываетъ пульсъ и оглядываетъ и рѣшаетъ, можно ли еще бить человѣка или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученье сначала и добить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что надо дать ему. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Разсказывалъ солдатъ послѣ, какъ послѣ того, какъ онъ не можетъ больше ходить, несчастнаго кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину несутъ въ гошпиталь вылѣчивать съ тѣмъ, чтобы, когда онъ вылѣчится, додать ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не дополучилъ и не вынесъ сразу.

Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти и имъ не даютъ ее сразу, а вылѣчиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и лѣчится въ гошпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти.

И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ на смерть. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ отъ палокъ, или имѣлъ мужество и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ, а начальство крадетъ ихъ паекъ.

Онъ разсказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этихъ воспоминаніяхъ, онъ сначала удивился, а потомъ испугался.

— Нѣтъ, говоритъ, это что жъ, это по суду. Въ этомъ развѣ я причиненъ? это по суду, по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ. Онъ разсказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву.

И когда я спросилъ его, не мучаютъ ли совѣсть его и эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это на войнѣ, по закону, за царя и отечество. Это дѣла, по его понятію, не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. То, что онъ разорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ пулей и штыкомъ людей, то, что самъ засѣкалъ стоя въ строю на смерть людей и таскалъ ихъ въ гошпиталь и опять назадъ на мученье, это все не мучаетъ его, это все какъ-будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ-будто не онъ, а кто-то другой.

Есть у него кое какіе свои грѣшки личные, когда онъ безъ того, что онъ называетъ закономъ, билъ и мучалъ людей, и эти мучаютъ его и для искупленія отъ нихъ онъ ужъ много разъ причащался и еще надѣется причаститься передъ самой смертью,

разсчитывая на то, что это загладитъ мучающіе его совѣсть грѣхи. Но онъ все-таки мучается и картины ужасовъ прошедшаго не покидаютъ его.

Что бы было съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ должно бы было быть ясно ему, стоящему на порогѣ смерти, что между всѣми дѣлами его жизни, тѣми, которыя онъ называетъ: по закону—и всѣми другими нѣтъ никакого различія, что всѣ дѣла его тѣ, которыя онъ могъ сдѣлать и не сдѣлать (а бить и не бить, убивать и не убивать людей всегда было въ его власти), что всѣ дѣла его—его дѣло, что какъ теперь, наканунѣ его смерти, нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника между нимъ и Богомъ, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучать и убивать людей. Что бы съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что не долженъ былъ бить и убивать людей и что закона о томъ, чтобы бить и убивать братьевъ никогда не было и не могло быть. Если бы онъ понялъ, что есть только одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать—законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ, былъ дерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ поддаваться. Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ его безсонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаянье, если бы онъ понялъ это. Мученья его были бы ужасны.

Такъ зачѣмъ же и мучать его? Зачѣмъ мучать совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее. Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло?

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лѣчить, но то, что боимся назвать по имени. Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что прошло. Оно и не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излѣчить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но и всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ее. Болѣзнь и не проходитъ, а только видоизмѣняется, въѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости, въ мозгъ костей.

Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, съ вложенными въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ—люди надъ людьми—ужасающія жестокости, сами не зная зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди кроткіе, добрые, всѣ проникнутые духомъ ученія Христа, люди кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или

доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такою же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждаго дѣлать все, что онъ можетъ для исцѣленія ея, и первое, главное, указать на нее, признать ее, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? солдатъ не считаетъ себя виноватымъ, и тѣ страшныя дѣла: палки, сквозь строй и другія—прошли уже; зачѣмъ поминать старое? Теперь ужъ этого нѣтъ больше. Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ. Зачѣмъ раздражать народъ? Такъ же говорили при Николаѣ про Александра. Тоже говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину. Такъ же при Екатеринѣ про Петра и т. д. Зачѣмъ поминать? Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все такъ же болѣю, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. И мы не понимаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же, и намъ хочется обмануть себя. Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палкинъ и сквозь строй—все это ужъ прошло. Прошло? Измѣнило форму, а не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что люди послѣдующаго времени вспоминаютъ не только съ ужасомъ, но съ недоумѣніемъ: правежи, сжиганія за ереси, пытки, военныя поселенія, палки и гонянія сквозь строй. Мы вспоминаемъ все это и не только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ того человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ и женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ, какъ теперешніе чиновники въ сенатѣ, свои обычные пять часовъ и ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ: я зналъ одного такого, который наканунѣ танцовалъ мазурку съ красавицей дочерью на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогонять на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата татарина, засѣкалъ этого солдата до смерти и возвращался обѣдать въ семью. Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видать тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видать, если уже не звѣрства безчеловѣчности тѣхъ ужа-

совъ, то безсмысленность ихъ. Во всѣ времена это было.

Неужели наше время такое особенное, счастливое, что въ наше время нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Намъ ясна теперь не только жестокость, но и безсмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ безсмысленность этого, но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки—необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. Тоже съ палками, съ рабствомъ. И пришло время и намъ трудно представить себѣ то состояніе умовъ, при которомъ возможно такое грубое заблужденіе.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, а теперь прошло. Намъ кажется это отъ того, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй—все это уже прошло. Если мы прямо поглядимъ на прошедшее, намъ откроется и наше настоящее. Если мы только перестанемъ слѣпить себѣ глаза выдуманными государственными пользами и благами и посмотримъ на то, что одно важно: добро и зло жизни людей, намъ все станетъ ясно. Если мы назовемъ настоящими именами костры, пытки, плахи, клейма, рекрутскіе

наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюрьмъ, остроговъ, войскъ съ общею воинскою повинностью, прокуроровъ, жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? и не будемъ заслонять дѣлъ людскихъ прошедшаго воображаемыми пользами для различныхъ фикцій, мы поймемъ то, что дѣлалось прежде, поймемъ и то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванья ихъ костей, то такъ же ясно станетъ и то, что такъ же, если не еще болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти, и узнавать истину черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станетъ и то, что еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобъ совсѣмъ развратить его; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21-го-лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока опричнина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардій и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое,—намъ ясно станетъ, въ чемъ наши точно такіе же ужасы, только въ новыхъ формахъ. Мы го-

воримъ: все это прошло. Прошло, теперь ужъ нѣтъ пытокъ, блудницъ Екатеринъ съ ихъ самовластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиванья на смерть палками и др. Но вѣдь только такъ кажется.

Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанья, а этихъ людей держатъ въ вертепахъ разврата—острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрители, полновластные хозяева этихъ рабовъ, суть тѣ люди, которымъ на что-нибудь нужно это жестокое безсмысленное заключеніе. Десятки тысячъ людей съ вредными идеями въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи и сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и или убиваются тайно начальниками тюремъ или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народовъ гибнутъ физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отбираются отъ семьи, отъ молодыхъ женъ, пріучаются къ убійству и систематически развращаются. Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобъ вокругъ него не была цѣпь явная сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленныхъ по дорогѣ, и тайная цѣпь слѣдящая за нимъ повсюду. Король сбираетъ подати и строитъ башни, и на башнѣ дѣлаетъ прудъ, и въ

пруду, выкрашенномъ синей краской, и съ машинами, представляющими бурю, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ: и во Франціи, и въ Ирландіи, и въ Бельгіи.

Не нужно имѣть особенной проницательности, чтобы видѣть, что въ наше время все то же, и что наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ такъ же удивительны по своей жестокости и нелѣпости.

Болѣзнь все та же, и болѣзнь не столько тѣхъ, которые пользуются этими ужасами, сколько тѣхъ, которые приводятъ ихъ въ исполненіе. Пускай бы Петры, Екатерины, Палкины, Баварскіе короли пользовались въ 100, въ 1000 разъ болѣе. Пускай [бы] устраивали башни, театры, балы, обирали бы народъ. Пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай теперешніе злодѣи вѣшали бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, только бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата.

Ужасная болѣзнь эта, болѣзнь обмана о томъ, что для человѣка можетъ быть какой-нибудь законъ выше закона любви и жалости къ ближнимъ и что потому онъ никогда не можетъ ни по чьему требованію дѣлать очевидное несомнѣнное зло своимъ братьямъ, убивая, засѣкая, вѣшая ихъ, сажая въ тюрьмы, забирая ихъ въ солдаты, отбирая отъ нихъ подати.

1880 лѣтъ тому назадъ на вопросъ фарисеевъ о томъ, позволительно давать подать Кесарю или нѣтъ, сказано: отдавайте Кесарево Кесарю, а Божье Богу.

Если бы была у людей въ наше время хоть слабая вѣра въ ученіе Христа, то они считали бы должнымъ Богу хоть то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: „не убій“; сказавъ: „не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ дѣлали“; сказавъ: „люби ближняго какъ самого себя“,— но то, что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣ каждаго человѣка, любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужасъ передъ убійствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ Нему, исполнять то, что Онъ написалъ въ ихъ сердцѣ, т. е. жалѣть, любить, не убивать, не мучать своихъ братьевъ. И тогда слова: Кесарево Кесарю, а Божье Богу имѣли бы для нихъ значеніе.

Царю или кому еще все, что хочешь, но только не Божіе. Нужны Кесарю мои деньги—бери; мой домъ, мои труды—бери; мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь—бери; все это не Божіе. Но нужно Кесарю, чтобъ я поднялъ и опустилъ прутъ на спину ближняго; нужно ему, чтобы я держалъ человѣка пока его будутъ бить, чтобы я связалъ человѣка или съ угрозой убійства, съ оружіемъ въ рукѣ стоялъ надъ человѣкомъ, когда ему дѣлаютъ зло; чтобы я заперъ дверь тюрьмы за человѣкомъ, что-

бы я отнялъ у человѣка его корову, хлѣбъ, чтобы я написалъ бумагу, по которой запрутъ человѣка или отнимутъ у него то, что ему дорого—все это я не могу, потому что тутъ требуются поступки мои, а они-то и есть Божіе. Мои поступки это то, изъ чего слагается моя жизнь, жизнь, которую я получилъ отъ Бога, я отдамъ Ему одному. И потому вѣрующій не можетъ отдать Кесарю то, что Божіе. Идти черезъ строй, идти въ тюрьму, на смерть, отдавать подати Кесарю—все это я могу, но бить въ строю, сажать въ тюрьму, водить на смерть, собирать подати—всего этого я не могу для Кесаря, потому что тутъ Кесарь требуетъ отъ меня Божіе.

Но мы дошли до того, что слова: „Богу Божіе“ для насъ означаетъ то, что Богу отдавать копѣечныя свѣчи, молебны, слова—вообще все, что никому, тѣмъ болѣе Богу, не нужно, а все остальное, всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдавать Кесарю!

Л. Толстой.

Апрѣль 1886.

Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину.

1880 лѣтъ тому назадъ открытъ людямъ Іисусомъ Христомъ новый законъ. Ученіемъ своимъ и жизнью и смертью своей Іисусъ Христосъ показалъ людямъ, что̀ должно и чего не должно дѣлать тому, кто хочетъ быть ученикомъ его — христіаниномъ.

Ученіе Христа, какъ теперь, такъ и тогда, было противно ученію міра.

По ученію міра цари властители управляютъ народами и чтобы управлять ими, заставляютъ однихъ людей убивать, казнить, наказывать другихъ людей, заставляютъ ихъ клясться въ томъ, что они во всемъ будутъ исполнять волю начальствующихъ.

По ученію же Христа [ни] одинъ человѣкъ не можетъ не только убивать, но насиловать другого, даже силою сопротивляться ему, не можетъ дѣлать зла не только ближнимъ, но даже врагамъ своимъ.

Ученіе міра и ученіе Христа были и всегда будутъ противны другъ другу. И Христосъ зналъ это и говорилъ своимъ ученикамъ и предсказывалъ имъ, что какъ онъ самъ пострадаетъ за истину (Мѳ. XX, 18), такъ и ихъ за то же будутъ предавать на мученья и убивать (Мѳ. XXIV, 9)

и что міръ будетъ ихъ ненавидѣть, какъ онъ ненавидѣлъ его; потому что они будутъ не слугами міра, а слугами Отца (I. XV, 19, 20). И все сбылось такъ, какъ предсказалъ Іисусъ. Міръ возненавидѣлъ и искалъ погубить его. Всѣ—и Фарисеи и Саддукеи и Книжники и Иродіане упрекали его въ томъ, что онъ врагъ Кесарю, запрещаетъ платить ему подати и, смущая, развращаетъ народъ, что онъ злодѣй (Л. XXIII, 2, 5, 14), что онъ дѣлаетъ себя Царемъ и потому онъ врагъ Кесарю (Іо. XIX, 12). Еще до преданія его на казнь (Л. XX, 20, 21, 22, 23, 24, 25) подослали къ нему лукавыхъ людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы его въ какомъ-либо словѣ, чтобы предать его начальству и власти правителя. И они спросили его: Учитель! мы знаемъ, что ты правдиво говоришь и учишь и не смотришь на лицо, но истинно пути Божію учишь. Позволительно ли намъ давать подать Кесарю или нѣтъ? Онъ же, уразумѣвъ лукавство ихъ, сказалъ имъ: что вы меня искушаете? Покажите мнѣ динарій; чье на немъ изображеніе и надпись? Они отвѣчали: Кесаревы. Онъ сказалъ имъ: и такъ отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу.

Тогда удивились отвѣту его и замолчали. Отъ него ждали, что онъ скажетъ: или то, что позволительно и должно платить подать Кесарю, и этимъ разрушитъ все свое ученіе о томъ, что сыны свободны, что человѣкъ долженъ жить, какъ птицы небесныя, не заботясь о завтра и многое другое, или

что онъ скажетъ, что не позволительно платить подать Кесарю и этимъ покажетъ, что онъ врагъ Кесаря. Но Христосъ сказалъ: Кесарево Кесарю, Божіе Богу. Онъ сказалъ больше того, чего отъ него ждали. Онъ раздѣлилъ все, что̀ имѣетъ человѣкъ, на двѣ части—на человѣческую и божескую. И сказалъ, что человѣческую можно и должно отдавать человѣку, а божескую нельзя отдавать человѣку, а только Богу.

Этими словами онъ сказалъ имъ то, что если человѣкъ вѣритъ въ законъ Бога, то онъ исполнитъ законъ Кесаря только тогда, когда онъ не противенъ Богу. Для фарисеевъ, не знавшихъ истины, былъ все-таки законъ Бога, который они не преступили бы, если бы имъ это и велѣлъ законъ Кесаря. Они не отступили бы отъ обрѣзанія, отъ соблюденія субботы, отъ постовъ, отъ многаго другого. Если бы Кесарь потребовалъ отъ нихъ работы въ субботу, они бы сказали: отдадимъ Кесарю всѣ дни, но не день субботы. Тоже и съ обрѣзаніемъ и съ другимъ. Отвѣтомъ своимъ Христосъ показалъ имъ, что законъ Бога стоитъ выше закона Кесаря и что человѣкъ можетъ отдать Кесарю только то, что̀ не противно закону Бога.

Что̀ же для Христа и для учениковъ Кесарево, что̀ Божіе?

Ужасъ беретъ, когда подумаешь о томъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, который услышишь отъ христіанъ нашего времени.

Божье, по сужденію нашихъ христіанъ, никогда не мѣшаетъ Кесареву. А Кесарево всегда согласно съ божескимъ. Вся жизнь отдается служенію Кесарю и только то, что не мѣшаетъ Кесарю, отдается Богу. Да еще свѣчи, жертвы на церковь.

Не такъ разумѣлъ это Христосъ. Для Христа вся жизнь была Божья, а Кесарю можно было отдавать то, что не Божье. Кесарево Кесарю, а Божье Богу. Что Кесарево? — Монета, плотское, не твое. — Плотское все и отдавай тому, кто беретъ, но жизнь твоя, полученная отъ Бога, жизнь твоя, она вся Божья. Ее никому нельзя отдавать, кромѣ Бога, потому что жизнь человѣка, по ученію его, есть служеніе Богу (Мѳ. IV, 10). И служить нельзя двумъ господамъ (Мѳ. VI, 24). Все плотское человѣкъ долженъ отдавать всякому и потому можетъ отдавать Кесарю, но служить не можетъ никому, кромѣ Бога.

Если бы люди вѣровали въ ученіе Христа, ученіе любви, не могли бы попирать такъ всѣ законы божескіе, открытые намъ Христомъ, для того, чтобы исполнять законы Кесаревы.

Левъ Толстой.

1886 г.

---

3 0112 072916031